

Еще один памятник истории разрушен...

Министру культуры Российской Федерации В. Р. Мединскому

**Уважаемый
Владимир Ростиславович!**

Обращаемся к Вам от лица культурной общественности г. Вышний Волочёк Тверской области. Наш город - одна из жемчужин центра России. Первое упоминание о нем относится к 1437 году, но своё торгово-экономическое и культурное развитие город получил в 18 веке в связи со строительством здесь Вышневолоцкой водной системы, являющейся памятником гидротехнического искусства (первые в России судоходные каналы, первое искусственное водохранилище). Строительство Петром I и М.И. Сердюковым водной системы во многом обусловило строительство Санкт-Петербурга - столицы Российской Империи. Город, который по праву носит название Русской Венеции, сохранил не только историческую планировку и неповторимый колорит берегов рек и каналов, но и множество памятников градостроительного искусства 18-19 веков.

К сожалению, учитывая то, что город до 2010 года имел статус исторического города России, немногие из этих памятников были поставлены на государственную охрану. Но статус исторического города, согласно закону об охране памятников архитектуры, сохранял в целостности от радикальных перестроек весь исторический центр с дворянско-купеческими особняками,

торговыми лавками, Путевым дворцом и общественными зданиями. По непонятным нам причинам этот статус был снят и памятники архитектуры города оказались беззащитными против людей, мягко говоря, не понимающих и не ценящих архитектуру своего города.

В настоящее время в Вышнем Волочке имеют место акты вандализма с фасадами двухсотлетних зданий, составлявших гордость городской архитектуры. В частности, в последнее время обострилась ситуация вокруг двух памятников архитектуры «Дом Суханова», значащегося по паспорту по адресу Казанский проспект, 37/1, и «Дом Сухановой», значащийся по паспорту по адресу Казанский проспект, 35. В результате прошедшей на проспекте перенумерации домов «Дом Суханова» стал иметь адрес Екатерининская ул. 1/31, а «Дом Сухановой» - Казанский проспект 31. Эти изменения, по-видимому, не были сообщены в надлежащем порядке в надзорные органы, и поэтому памятники продолжают значиться фактически по другому адресу.

В 2013 году оба здания были проданы фирме ООО «Форте» по минимальной цене: «Дом Суханова» площадью около 1640,4 кв. м. за 18 млн. 582 тыс. 500 руб., а «Дом Сухановой» площадью 95,8 кв. м. за 2 млн. 643 тыс. 600 руб. Новый собственник здания обратился в Главное управление по государственной

охране объектов культурного наследия Тверской области, где получил ответ, что по указанному новому адресу памятника архитектуры не значится, а здание является средовой застройкой центра города. Поэтому собственник, игнорируя статью 37 ФЗ № 73, где говорится о приостановке работ на объектах имеющих признаки культурных ценностей, до рассмотрения вопроса об их действительной историко-культурной ценности, счёл себя вправе не только перестроить кровлю и сделать пластиковые окна на доме 18-19 веков, но и самовольно срубить большую часть лепнины и белокаменного декора, обложив здание керамогранитом, ничего общего по цвету и фактуре не имеющим с соседними зданиями, выстроенными в классическом стиле на рубеже 18-19 веков.

«Дом Суханова» является так же частью застройки сплошным фасадом пересечения двух главных улиц города Казанского проспекта и Екатерининской улицы, и по определению паспорта здания «играет исключительно важную градостроительную роль» в планировке города. Тем самым новый собственник здания искажил архитектурный облик исторического центра города и нанёс ущерб памятнику архитектуры.

В связи с тем, что подобный пример далеко не первый в Вышнем Волочке, мы думаем, что и в дальнейшем подобная ситуация будет повторяться, мы просим Вас:

— поручить пересмотреть решение об исключении Вышнего Волочка с его почти на 90% сохранившейся в первоизданном виде архитектурой и старейшей в России водной системой из списка исторических городов России;

— поручить разобраться в ситуации с изменением адреса памятника архитектуры и направить в соответствующие органы пакет документов с просьбой дать правовую оценку всему происходящему вокруг «Дома Суханова» и «Дома Сухановой».

С уважением
Денис ИВЛЕВ,
член Союза краеведов России,
член Совета Вышневолоцкого
краеведческого общества
им. М. И. Сердюкова.

«У МЕНЯ БЫЛО ОЩУЩЕНИЕ, ЧТО Я ПОПАЛ В НЕИЗВЕСТНУЮ СТРАНУ...»

(Краеведческие заметки)

Продолжение. Начало в № 9 (42).

В погосте Костовском захоронены вышневолоцкие Путятины, род которых сходится с родом из погоста Петровское-Тихвинское в 17 веке. У Степана Васильевича Путятина и его жены Любови Ивановны было 6 детей: Михаил (1796-1865), Владимир (1797-1809), Дмитрий (1799-1879), Вера (1804-1868), Арсений (1809-1882), Платон (1801-1806). Венецианов сделал портреты почти всех детей, но сейчас трудно сказать, где он писал эти портреты. Как-то раз, рассматривая репродукцию картины Венецианова «Дети Путятиных», мы с Верой Ивановной (ее мать, Зинаида Александровна Путятина – потомок известного княжеского рода) предположили, что он вполне мог написать картину и в Москве. За Юзой, напротив института «ГИАП» (Государственный научно-исследовательский и проектный институт азотной промышленности и продуктов органического синтеза), что находится на улице Земляной вал, как раз было имение Милюковых (матери изображенных детей – Любови Ивановны), а на Воронцовской улице, что за институтом, жили сами Венециановы. Старший мальчик на картине (по моим вычислениям) – Дмитрий Путятин. Правда, мы заспорили, откуда, мол, баран-то на картине взялся, хотя московские подворья в то время очень напоминали сельские усадьбы, живности в них хватало.

Известен также и портрет Петра Ивановича Милюкова, брата Любови Ивановны. Арсений владел имением в

Братском, а после женитбы на одной их Мельницких переехал в ее бологовское имение. Его сын Павел Арсеньевич с художником Н. Рерихом занимался археологией. Потомки Дмитрия Степановича и сейчас живут в Вышнем Волочке, среди них - Заклюковские, Бородины, Куколевские, Проскуряковы, Смирновы.

Рядом с церковью, через дорогу, мы обнаружили остатки кирпичного строения, которое когда-то стояло на берегу реки Тихвинки. Денис предполагает, что где-то здесь была усадьба князей Путятиных. Погост (кладбище) сохранился неплохо, сохранился и фундамент деревянной церкви. Есть наметки расчистить этот фундамент и, возможно, найти, где был склеп. Около фундамента старой церкви сохранилось несколько старых надгробий, они лежат на земле. Денис нашел доску, откопал одно из надгробий и смог его поставить. Другие надгробия нужно откапывать лопатами. Меня очень поразил забор вокруг кладбища, сделанный из камней, которые каждую весну выдавливает земля.

Районов много, а уезд был один – Вышневолоцкий...

В юности я любил решать олимпиадные математические задачи, после окончания института решал научные проблемы, сейчас люблю разгадывать кроссворды. В краеведении, которым я занимаюсь уже несколько лет, загадок тоже хватает. Один из краеведческих «кроссвордов», который меня очень ув-

лек – это раздел Вышневолоцкого уезда коммунистами в 1929 году. Был год «великого перелома». Сталин покончил с правыми уклонистами и обладал уже всей полнотой власти. Начиналась коллективизация. В этот момент началось и дробление уездов на районы, чтобы облегчить управление ими. В Тверской губернии было 12 уездов, стало 33 района (разделяй и властвуй, как говорили древние). В результате такого дробления возникла довольно странная ситуация, при которой в наше время стало сложно соотнести исторические места и события с новым делением.

В прошлом году мы с Верой Ивановной Смирновой решили сделать большое путешествие по бывшим дворянским имениям Вышневолоцкого уезда. В Вышнем Волочке приобрели карту «На Великом водоразделе», хотя «великий водораздел» к Вышнему Волочку не имеет никакого отношения. Основательно ее изучили, и оказалось, что имение князей Путятиных Наташино нынче в Максатихинском районе, Братское – в Удомельском, Петровское – в Спировском. Дальше – больше. Имение дворян Милюковых Молдино и Поддубье теперь в Удомельском районе, Каменка – в Максатихинском районе, Надеждино – в Спировском. Имение дворян Сназиных Ивановское-Овсеевское (Голубые Озера) – в Удомельском районе, Овсяники – в Спировском. Имение князя Енгальцева Лощемля – в Максатихинском районе, дворян Колокольцовых Кезадра и Сигово – в Удомельском, а многие из тех мест, которые мы хотели бы посмотреть – Петровское, Надеждино, Козлово – вообще, оказались закрыты листком с надписью «Условные обозначения». Выяснилось, что многие культурно-исторические места Вышневолоцкого уезда, сложившиеся на протяжении многих веков, попали под произвольный административный передел. Например, земли вокруг старинного села Лугинино Вышневолоцкого уезда. Не знаю, из каких соображений, но части Лугининской волости были определены к Вышневолоцкому, Удомельскому, Максатихинскому и Спировскому районам. Земли, где жил и работал художник А. Венецианов, теперь числятся за Удомельским районом, и даже появились современные авторы, которые называют Венецианова удомельским помещиком, хотя во всех исторических документах он проходит как помещик вышневолоцкий. Известно, что селцо Трениха – это территория Макарьевской волости Вышневолоцкого уезда.

Продолжение на 7-й стр.

«Прекрасный, редких способностей человек...» (К 140-летию писателя В. Я. Шишкова)

Портрет В. Я. Шишкова.
Художник В. Ф. Шумилов,
1973 год.

Отец писателя Яков Дмитриевич Шишков начинал свой жизненный путь мальчиком на побегушках у бежецкого купца Первухина. Со временем смысленный парнишка стал правой рукой купца, а потом и его зятем. У Якова Дмитриевича и Екатерины Ивановны Шишковых было пятеро детей, но всеобщим любимцем был их первенец Вячеслав, который родился 21 сентября (по старому стилю) 1873 года. В семье его ласково называли Вестенька.

С особой нежностью и признательностью вспоминал Вячеслав Яковлевич свою бабушку Елизавету Даниловну, у которой в детстве гостил он каждое лето, приобщаясь к «тайнам» устного народного творчества. Бабушка сыграла в жизни Вячеслава Шишкова такую же роль, как няня Арина Родионовна в жизни Пушкина.

Учебу Вячеслав начинал в частном пансионе, затем шесть лет учился в Бежецком городском училище (теперь там висит мемориальная доска). Будучи школьником, охотно разучивал стихи и песни, много читал, имея домашнюю библиотеку. Учителю словесности Павлову и ребятам нравились сочинения Вячеслава. В 12 лет он сочинил «повесть» из разбойничьей жизни – «Волчье логово», но всерьез о писательстве он тогда не задумывался.

Пятнадцатилетним подростком приехал Вячеслав Шишков в Вышний Волочек, чтобы поступить в училище кондукторов путей сообщения. Это училище, преобразованное из школы кантонистов, было открыто 13 октября

3 октября 2013 года исполнилось 140 лет со дня рождения выдающегося русского писателя, талантливого романиста, рассказчика Вячеслава Яковлевича Шишкова. Наш земляк, уроженец Бежецка, он окончил Вышневолоцкое училище кондукторов путей сообщения, знал и любил наш город.

1883 года. В программу обучения входили трехлетний теоретический курс и двухлетняя практика.

Для поступления в училище надо было сдать довольно строгий вступительный экзамен, который Вячеслав Шишков выдержал успешно. Осенью 1888 года началась его учеба в 1-м теоретическом классе. Писатель вспоминал, что учиться было трудно из-за постоянной нехватки денег. Предписанием учебного отдела Министерства путей сообщения от 3 января 1889 года ученик 1 класса В. Шишков был утвержден казенным стипендиатом.

Трехгодичная учеба в техническом училище оставила у Шишкова хорошие воспоминания. В училище он был одним из лучших учеников. Преподаватели его любили, особенно начальник училища Сергей Ананьевич Шереметинский. Позднее, когда в училище поступил родной брат писателя Алексей Шишков, Шереметинский говорил ему о Вячеславе: «Прекрасный, редких способностей человек с хорошим добрым сердцем, такие редко встречаются в жизни. Старайся походить на брата».

Программа училища была обширной и, чтобы усвоить ее в три учебных года, приходилось напряженно заниматься. Занятия начинались в 8 часов утра, продолжались до часу дня, а после 1,5 часового перерыва до шести часов вечера работали в мастерской или в чертежной. На дом также задавали много уроков. Дисциплина в училище была строгая, на военный лад. В общении кормили просто, но сытно. Редкие свободные часы Вячеслав отдавал чтению книг, прогулкам, катанию на коньках и коллективному пению. Годы, проведенные юным Шишковым в Вышневолоцком училище кондукторов путей сообщения, без преувеличения можно считать важнейшим периодом в жизни писателя. Здесь он получил фундаментальные систематические знания, которые помогли ему стать хорошим специалистом по строительству дорог.

В 1890 году, по окончании курса, он был направлен на двухлетнюю практику в Опеченский посад Боровичского уезда на технический участок Вышневолоцкого отделения Санкт-Петербургского округа путей сообщения. Здесь он участвовал в постройке

трехпролетной каменной Березайской плотины. Отработав около двух лет, В. Я. Шишков из Опеченского посада перевелся в Вологду, в Вычегодский округ путей сообщения, где прожил около года. Здесь у него появилась мысль поехать в Сибирь. В 1893 году он со своим товарищем Федором Коцем отправился в Томск, в Томский округ путей сообщения. Ехали на лошадах по Великому сибирскому тракту. Позднее В. Я. Шишков много рассказывал брату и родным о жизни в Томске, о своих изыскательских работах на Обь-Енисейском канале, на реке Чулыме, о встречах с тунгусами. Показывал фотографии из жизни изыскательской партии. Рассказы его были интересны и содержательны, заметно было, что он получил много сильных впечатлений, которые легли потом в основу его рассказов о сибирской жизни.

Первые успехи на литературном поприще породили у В. Я. Шишкова мысль перебраться на жительство в Петроград, в центр литературной жизни страны. В 1915 году он навсегда простился с Томском и перевелся в Управление внутренних водных путей и шоссейных дорог. Здесь он закончил оформление своих изысканий на Алтае и стал заниматься проектированием трассы Чуйского тракта.

Не забывал он и о Вышнем Волочке. Часто приезжал в гости к своему брату Алексею Яковлевичу. Дом Шишковых до сих пор расположен на углу улицы Артюхина и Семашко. В 1927 году он приезжал дважды. Несмотря на свои 54 года, он был бодрый, здоровый, красивый и моложавый. Приехал он с Клавдией Михайловной Шишковой сразу после свадьбы и выглядел счастливым человеком. Уезжая, почти всегда оставлял родным свою новую книжку. Книг с автографами писателя в шкафу у Алексея Яковлевича было много. Часть из них стали экспонатами краеведческих музеев Вышнего Волочка и Бежецка. Книги «Ванька-хлюст» (1920 г.), «Вихрь» (1922 г.), «Нечистая сила» (1926 г.), «Хреновинка» (1926 г.), «Шутейные рассказы» (1935 г.), «Гордая фамилия» (1943 г.) и сейчас хранятся в Вышневолоцком краеведческом музее.

Окончание на 8-й стр.

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА А. А. НЕФЕДОВА ЗА 1902 ГОД

Село Рождество. Фотография А. А. Нефедова.
Любезно предоставлена О. Копьевой (Издательство «Истоки»).

Окончание. Нач. в № 8 (41), 9 (42)

МЕСЯЦ ОКТАБРЬ

25. Разобрал мост на конюшне и начал от него рыть яму для ледника. Помогал тятенька. Послал Лидии письмо, в котором мои к ней чувства, и что желал бы от нее. Так все и думается, так и благоговею мыслями перед ней. Прав был поэт, сказавши: «Жди, полюбишь с новой силой, она тебя вновь к жизни воскресит». Я ему не верил, но теперь верю.

О, всеобъемлющее время! Что больно час, день, год, десятки лет – время выберет случай дать такое лекарство по своему рецепту, что только разинешь рот от удивления!

26. Возил на гумно овес на ригу, около вечера намолотил сыромолотым. Машина тихо работает...

27. Воскресенье. После обеда ходил в Горшково смотреть купленную баню, хочу ее перевезти и устроить мастерскую токарную. Был зашедши на чай к крестной. Зашел к инженеру Минельде, взял от него кальки для планов.

28. Был дома, играл на цитре, пел и читал. Сделал три планки в Дубровку. Сердце так и витает вокруг Л., право, что за любовь?

29. В 4 часа встали молотить овес намокшим. К 7 часам обмолотили и посадили в ригу. Днем возил солому, зерно и перевозил на гумно овес. Намолотил 42 меры.

МЕСЯЦ НОЯБРЬ

1. С утра подбеливал в нижнем доме печки и потолок. С 2 ч. пошел помочь тятеньке ковать в кузницу, наварили

три топора. Вечера ничего не делаю; то поиграю на цитре, то почитаю, а то и так посижу. Все хочу приняться за какое-либо дело, да все не приняться. Вот нынче осень – то снег, то мороз, то дождь, каждый день новая погода.

2. С утра до 2 ч. поработал с тятенькой в кузнице, потом намостил мост на конюшню.

Воскресенье. Был дома. С самого утра до темной ночи перестраивал строй у цитры, прибавил один полутон, от чего получилось два лишних аккорда, минорный и мажорный. Инда в плече заломило, до тех пор сидел. Нравится, хорошо настроил, красиво аккорды получились. Гололедица, 14 градусов мороза.

3. Мороз, страшно и нос показывать на улицу. В 10 ч. отправились в кузницу на работу.

4. Работал с тятенькой в кузнице, подковали лошадей.

5. С утра поработал в кузнице, потом ездил в лес пилить подстилki на дрова да привез два бревна для мастерской.

Теперь замерзло, очень хорошо возить. На лесных болотах куда угодно повертай на лошади. Вечер подшивал тятеньке сапог юфтью на скобках из проволоки.

6. Ходил с дядями делить лес на плотину, разделили на полосы, всего 4 полосы 1260 к.с. Я делил инструментально.

8. Праздник Святого Михаила Архангела.

Сегодня очень славная вьюга на улице – страх глаза показать. Вечером подправил цитру, очень хорошие красивые аккорды получились.

10. Воскресенье. Был дома. Читал. Горбунова, к вечеру получил журнал, так и читал... Вечером играл и читал, никакой делины.

12. Основывал мастерскую со Степаном Андреевичем. Старики спорили начинать, но я настоял, наконец, и они согласились. Все подумываю о Л. Чтой-то с этого выйдет?

13. Рубил мастерскую. Холодно. Но так как по своей охоте делаем, то и стужа нипочем.

14. Вот и заговенье на Рождественский пост. Холодно. 21 градус, а вечером будет – 23.

15. До обеда мостил пол, а после справил козлики, да начал пилить лес на развал для полу.

Всего попробуешь в жизни, всякого ремесла – и плотник, и столяр, и маляр, и пильщик.

16. Пилили плахи, а потом мостили пол.

17. Воскресенье. Был дома, читал и трынгал. Старики ездили к обедни в Домкино. Анна, работница, отправилась домой. Девушка совестная была, на работу ловкая и честная.

18. Ездил в Горшково за баней на мастерскую, разрыли и за два раза привезли. Есть подгнившие бревна...

20. Вот так морозец – 26 градусов.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вот, к сожалению, и все. Дневник А. А. Нефедова за 1902 год сохранен не полностью. Но и за эти, сбереженные записи, огромная благодарность его детям – А. А. Тумановой и Н. А. Нефедову и представителям современного поколения рода, которые берегут, как главную реликвию, пожелтевшие от времени странички, чтут память о своих предках.

Читая дневниковые записи, сделанные больше века назад, «видишь» автора и то далекое время, с его неспешным крестьянским укладом жизни. И невольно ловишь себя на мысли, что история не отпускает, она настойчиво требует дальнейшего изучения. И Фировский краеведческий музей позволяет это сделать – здесь собран богатый материал, рассказывающий о крестьянском роде Нефедовых. И сегодня мы предлагаем вниманию читателей воспоминания старшего сына Александра Алексеевича Нефедова – Николая. К слову, с его судьбой мы уже знакомили вас. В «НВУ» за декабрь 2012 года и январь 2013-го был опубликован «Дневник моей безотрадной жизни» – записи Николая Александровича Нефедова, сделанные в 1933–1934 годах, во времена трудного испытания всех россиян. События и факты истории через судьбу конкретного человека, побывавшего в

ГУЛаге и притесняемого, как единоличника и при этом сохранившего в себе душевное равновесие, коль пишет он в своем дневнике на излёте далекого тридцать четвертого года: «Кончается год 1934. Прожили, слава Богу, жаловаться нельзя на положение. Конец 1934-му году! Улетай, милый, в область дальнюю, невозвратную. За период твоего существования я, кроме хорошего, ничего не видел. Встречу же и Новый, 1935 с такими пожеланиями и надеждами на лучшее существование».

Знакомясь с его воспоминаниями о роде Нефедовых, понимаешь, откуда исходит это долготерпение. Итак...

Мой прапрадед, Михаил Нефедов, (отчества его не знаю), видимо, не от сладкой жизни «купеческой» из города Вышнего Волочка подался за семьдесят верст в деревню Кузнечково, арендовав мельницу на реке Граничной, где и прижился. В Кузнечкове у него родился единственный сын Николай, который уже заимел собственную мельницу в деревне Старое Козьяново. Николай фамилию Нефедовых приумножил, вырастив четырех сыновей: Ивана, Алексея (мой дедушка), Василия и Петра. Все братья женились, у всех пошли наследники – количество едоков увеличилось уже до 20 ртов. По жеребью стали отстраивать каждой семье дома – четыре дома. Полный край деревни Старое Козьяново стал Нефедовым. Мельницей, а затем и маслобойкой владели все четверо. Все были до некоторой степени «рукодельные», как говорилось раньше. Каждый поставил на берегу реки Граничной уже свою кузницу. Не все братья одинаково владели мастерством, поэтому у одних кузницы обслуживали лишь свое хозяйство, а более способные из братьев стали работать на сторону. К таким относился наш дед Алексей. Работы для кузниц в деревне было очень много (вблизи тем более кузниц не было), поэтому работали до полуночи. Ковали топоры, серпы, косы, к сохам – лемехи, гвозди, подковы, клевцы для мельниц и многое другое.

На мельнице и маслобойне работали по очереди.

Когда стал взрослым мой отец, Александр Алексеевич, (самый талантливый из всей породы Нефедовых), он в 1888 году (восемнадцатилетним) тут же, на берегу Граничной, построил водное колесо, гумно с ригой и в нем молотилку, о которой в то время и слухом не слыхивали. Молотили ведь вручную, цепями. Эта же молотилка с соломотрясом и веялкой приводилась в движение от водяного колеса. На это чудо многие любознательные мужечки приезжали посмотреть за десятки верст. Собственными руками отец построил шерстобитную машину.

По соседству с гумном отец построил мастерскую, в которой тоже от водяного привода работали станки

– токарный по дереву, сверлильный по металлу и механическое точило. Тут же он сделал и столярный верстак со всем инструментом.

Об отце следует остановиться отдельно. В школе он ни одного дня не учился (не было близко таковой), а грамоту постиг у своей матери Марии Прокофьевны, родом из деревни Горшково, которая обучалась грамоте по-старославянски («аз – буки...») Такую грамоту постигали в ее годы в деревне по системе очередной школы: несколько ребятишек состоятельных родителей учились у нанятого солдата в избах по очереди.

После материнской грамоты отец в порядке самообразования (надо было иметь титаническую силу воли в те времена и в тех условиях) дошел до специальностей: землемера (геодезия?) и инженер-строитель. Он строил школы, церкви по собственным проектам, чертежам, планам и прочей документации, необходимой в данных делах, которая утверждалась в соответствующей вышестоящей организации, как, например, по церкви – святейший Синод, по школам – Губернское управление народного образования.

Церковь в Фирове он строил безвозмездно. Много положил сил, энергии и смекалки в ущерб своему хозяйству. Но его не останавливали недовольство и упреки жены, моей мамы, матери – моей бабушки.

Иконостас в церкви был по его проекту и чертежам уникален по своей красоте и рисунку. Основным материалом при этом было стекло. Окрашенное в разные цвета, разрезаемое на небольшие квадратики и ромбы, из которых и составлялись всевозможные рисунки при совмещении позолоченной резьбы из дерева, точеных колонн и другого матерьяла.

Этот иконостас, его архитектуру и оформление смотреть приезжали специалисты из городов которых поражала его красота и меж тем простота устройства.

Землемерием отец занимался и как любитель, и как специалист данной отрасли, обеспечивающей хорошим заработком. Работал он у крупных землевладельцев и у деревенских, крестьянских обществ. Геодезические инструменты он покупал или выписывал по почте, те, что не мог изготовить сам в домашних условиях. Рисовал карты земельных участков такие, что завидовали настоящие обученные специалисты.

Был отец и хорошим фотографом. Объектив был куплен, а весь сам аппарат с гармоникой, треногой был сделан им самим, как и фонарь, и ванночки, и прочее.

Был отец и отличным кузнецом, столяром, слесарем, ремонтировал часы, швеймашинки, ружья – словом, всю тогдашнюю современную технику.

Был он и «зубным врачом», т.е. таскал больные зубы, т.к. фельдшерских

пунктов близко не было. Пациентов также было порядочно. Никакой, конечно, платы за это не брал.

Отец с юных лет ни в каких молодежных гулянках не участвовал. Все свободное время проводил за книгами или изготавливал какие-нибудь вещи, механизмы и даже музыкальные инструменты. Им была сделана такая интересная настольная цитра со строем рояля по системе трехструнных аккордов, на которой он играл, пел в большинстве церковно-молитвенные напевы. Эта цитра была тоже чудом того времени.

После постройки церкви отец много лет был церковным старостой и изобрел станок по изготовлению всяких свечей для церкви. Станок оригинальный, простой и очень производительный.

В 1916 году совместно с дежурным по станции Фирово по фамилии Калугин отец организовал «Фировское общество потребителей», в котором он первые годы был и председателем, и бухгалтером одновременно. Помню, вел он такую большую книгу во весь стол, называлась она «Касса – мемориал», и как-то пробовал мне объяснить то, что хотя в ней записываются разные цифры, но в результате должны получаться как по строчкам, так и по колонкам одинаковые суммы, т.е. баланс. Конечно, тогда я этого понять не мог.

Я еще здесь не все специальности отца описал. Он еще выделял кожи и шил из них сапоги и башмаки (правда, кожи получались не очень хороши).

Был отец и опытным пчеловодом.

А вот насчет спиртных напитков был ярым противник. В жизни он ничего спиртного не пробовал и, конечно, не курил. Даже в период своей смертельной болезни говорил о том, что если бы сказали: пей водку – и вылечишься, все равно не стал бы пить. Вот какой был трезвенник.

Будучи разносторонне образованным, выписывая по почте и много читая научную и художественную литературу, отец имел друзей и знакомых из так называемого «высшего общества». Так, например, в дружеских отношениях был с земским начальником Мельничкиным, который имел собственную дачу в селе Рождество. А лучший задушевный друг у него был в Жабнах – учитель Котов Василий Петрович. Правда, женаты они были на сестрах Евстифеевых. Евстифеев Поликарп Евстифеевич, отец этих двух дочерей, был членом Государственной Думы. Весьма представительный на вид, Поликарп Евстифеевич был далеко неграмотным, чтоб быть членом Думы. А между тем, он им был. Попал он на эту должность по какой-то авторитетной протекции. Дом его до сих пор стоит в Жабнах, хотя потерял свою красоту.

Окончание на 8-й стр.

«Вас не тянет в Максатиху?»

(Материалы к истории посещения А. П. Чеховым имения Тасино)

Портрет А. П. Чехова,
худ. И. Н. Крамской

В 1896 году Антон Павлович Чехов приезжал к издателю газеты «Новое время» Алексею Сергеевичу Суворину в имение Тасино, неподалеку от Максатихи. Однако подробности их встречи и местоположение дачи до сих пор оставались неопределёнными.

Известно, что в 1896 году известный русский журналист, писатель, издатель, театральный критик и драматург А. С. Суворин (1834–1912) снял дачу у адвоката Нежинского. Александр Семёнович Нежинский (1849 – до 1911) – давний знакомый Суворина, крупный домовладелец в Санкт-Петербурге. Имение Нежинского Тасино располагалось на окраине села Рыбинского на берегу Мологи, среди аллей парка и прудов. В имении был свой маленький театр и труппа. Ставились пьесы и водевили (Житков, 1990). Кроме дачи возле Максатихи у Нежинского были и другие имения. Так Суворин однажды арендовал у Нежинского дачу в Сестрорецке.

Суворин в своём «Дневнике» дважды упоминает о пребывании в Максатихе.

6 июня 1896 года он записал: «Живу в деревне, в усадьбе Тасино г. Нежинского, в 10 верстах от ст. Максатиха по Рыбинской ж. д. За услуги платим 1000 рублей. Приехал сюда 3-го, в понедельник, из Москвы, где провёл несколько дней. Бабы говорят: «Церковь-то 12 вёрст: Идём к утрне, ещё темно. Всё-таки хочется перекреститься. А-то и забудешь, какому богу молишься». 26 июня у него были гости: Пётр Петрович Гнедич (драма-

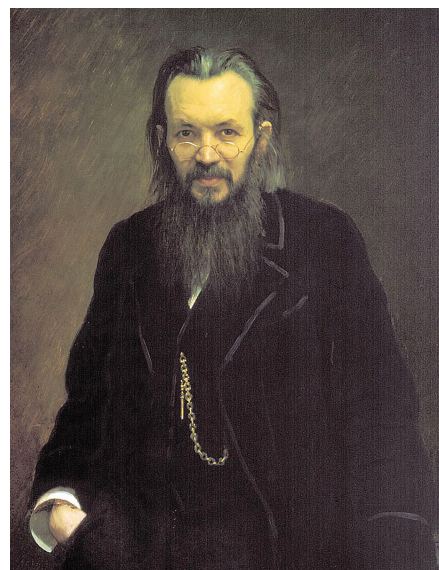
тург, историк искусств, 1855–1925) и Александр Николаевич Маслов–Бежецкий (драматург, 1852–1922). Второго июля 1896 года он записал: «Максатиха. Вчера поймал на блесну щуку и двух окуней».

Поездка Чехова в Максатиху к Суворину состоялась в июле 1896 года, когда Антон Павлович искал встречи с Сувориным для обсуждения постановки второй, исправленной редакции пьесы «Чайка». Он послал Суворину письмо из Мелихова 20 июня, где есть фраза: «Ну-с, желаю вам всяких благ, побольше ершей и поменьше дождя, который бывает в Тверской губернии почти каждый день и надоедает страшно». О ловле ершей и щук ему до этого писал сам Суворин.

26 июня Чехов снова пишет Суворину, спрашивая: «А пока куда поехать? К вам? Но ведь у вас теперь дождь? Вы не расположены принимать гостей? Я бы с удовольствием приехал дня на три, но не больше». Он поблагодарил за билет на бесплатный проезд по железной дороге до 1-го октября 1896 года. Готовясь к поездке на свадьбу в Ярославль, 11 июля из Мелихова Чехов снова пишет Суворину в Максатиху: «Я приеду к вам скоро, во всяком случае, не позже 31 июля. Если вы вздумаете уехать куда-нибудь из Максатихи, то дайте знать, а то я, пожалуй, нагряну, когда вас не будет дома», и передаёт привет жене и детям Суворина.

Известно, что Чехов 20 июля был в Максатиху и сразу же отправил письмо в Ярославль невесте брата Михаила о приезде к ним в субботу на их свадьбу. Дальше он отправился в Тасино, но где оно располагалось? Местный учитель Житков указывал на имение Тасино поблизости от Максатихи на окраине села Рыбинского. В последнее время тверской исследователь М. В. Строганов привёл материалы, подтверждающие указания Житкова на местоположение усадьбы Тасино.

Хозяином усадьбы был Владимир Александрович Нежинский – сын Александра Семёновича и Натальи Дмитриевны (ум. 05.01.1903 г.). Во время пребывания Суворина и Чехова в большом доме усадьбы Тасино их принимала Наталья Дмитриевна, которая летом, обычно, приезжала из Санкт-Петербурга и жила в усадьбе по 4–5 месяцев. Таким образом, как и в имении Горка (около Удомли) Чехов пробыл в усадьбе Тасино неполных три дня (20, 21, 22 июля 1896 года).

Портрет А. С. Суворина,
художник О. Э. Браз

25 июля Чехов после свадьбы брата уже вернулся из Ярославля в Мелихово и 27 июля отправил в Максатиху письмо Суворину: «От Максатихи до Рыбинска одна сплошная скука, особенно в жару. От Рыбинска до Ярославля тоже невесело. Преобладающее впечатление – это ветер, как в рассказах Черного, и все наслаждения исчерпываются селянкой из стерляди, после которой долго хочется пить. На пароходе ни одной интересной женщины, не с кем слова сказать, всё картузы, сальные, захватанные морды, арестанты, звенящие кандалами, и плохое тёплое пиво».

Имение Тасино понравилось Чехову, поскольку далее он просит сделать ему фотографию флигеля имения Нежинского и план парка для использования этих образцов у себя в Мелихово: «Попросите Борю сделать для меня фотографию флигеля (передний фасад) и набросать приблизительный план парка». Боря – это Борис Алексеевич Суворин (1879–1940) – сын издателя. Видимо, Чехов собирался разбить в Мелихове парк по образцу понравившегося ему парка в усадьбе Тасино.

Последний раз Чехов упомянул Максатиху в письме Суворину 7 декабря 1896 года: «Скоро дни начнут прибавляться, поворот к весне. Вас не тянет в Максатиху?». После 1896 года ни Чехов, ни Суворин, похоже, больше не ездили в Максатиху. По крайней мере, об этом нет сведений ни в письмах Чехова, ни в «Дневнике» Суворина.

Суворин своего имения в Максатихе не имел, но собирался что-нибудь купить.

Окончание на 7 стр.

2 мая 1897 года он записал в «Дневнике»: «В какой раз возникает у нас вопрос о покупке имения? Вероятно в сотый, и ничего не сделали». Однако через 2 года он всё-таки купил себе имение Никольское, но уже не в наших краях. Есть запись от 17 мая 1899 года: «Чехов сегодня пишет: «Я бы на вашем месте роман написал. Вы бы теперь, если захотели, могли написать интересный роман и притом большой, благо купили имение, есть, где удалиться и работать». Вероятно, речь идет об имении Никольское, которое находилось либо в Московской, либо в Тульской губернии.

А что же стало с имением Тасино? В «Переписке по изучению и охране исторических памятников, о содержании работы музеев Тверской губернии за 1924 г.» сотрудник музея П. С. Страшнов указал, что село Рыбинское принадлежало обедневшему семейству Бестужевых-Рюминых (дальние родственники Бестужева-Марлинского), сохранялись усадебные постройки

и парк. По соседству сохранились имения Мальковских, а два больших имения Ресиных и Нежинских были разграблены в 1917-1918 годах. В другом документе указано, что Тасино находилось в 8 км от Максатихи, «... смежно с деревней Рыбинское Заручье и селом Рыбинское». Состояние усадьбы после революции было плачевно. Двухэтажный дом Нежинских из 42

комнат стоял без мебели, пол на террасе был разобран, окна, двери и косяки расхищены, изразцовые печи, штукатурка, мраморная ванна были разбиты в результате погрома 17 декабря 1917 года.

**Борис ВИНОГРАДОВ,
Наталья ИВАНОВА,
Культурно-исторический
фонд «Удомля»**

«У МЕНЯ БЫЛО ОЩУЩЕНИЕ, ЧТО Я ПОПАЛ В НЕИЗВЕСТНУЮ СТРАНУ...» (Краеведческие заметки)

(Продолжение. Нач. на 2-й стр.)

Недавно вышла книга удомельского краеведа Дмитрия Леонидовича Подушкова «Художник А. Г. Венецианов в Удомельском крае. Удомельские ученики». Кроме иллюстраций картин Венецианова, приведены фотографии церкви в Поддубье, Лощемле, виды Николо-Теребенского монастыря, сельца Сафонкова, Дубровского, Наташино. Еще в Москве, перед предстоящей поездкой, мы с Верой Ивановной Смирновой (Путятиной) просмотрели эту книгу. И нас удивило, почему автор назвал свою книгу «Венецианов в Удомельском крае»? Исходя даже из логики нашего времени, Наташино, Лощемля, Николо-Теребенский монастырь – это Максатихинский район, «Портрет детей Путятинных» работы А. Венецианова написан в Спировском районе, используются виды Вышнего Волочка. С каких это «исторических» событий вышневолоцкие, спировские, максатихинские и прочие места стали называться удомельским краем? В прошлом Удомельско-Рядская волость была одной из двадцати пяти волостей Вышневолоцкого уезда, но никак не наоборот. Этот факт, разумеется, не умаляет достоинства жителей современного Удомельского района, и нет никакого смысла вносить ненужные разночтения. В давние времена эти земли относились к одной из новгородских пятин – Бежецкому Верху, но ни новгородским, ни бежецким краеведам

сегодня не приходит в голову мысль называть, к примеру, Вышневолоцкую водную систему – новгородской или бежецкой, художника Венецианова – новгородским или бежецким помещиком, потому что есть уже сложившиеся исторические названия, и изменять их, значит, изменять историческую правду. Не станем же мы сегодня называть удомельскую АЭС вышневолоцкой только потому, что много лет назад этот край назывался Вышневолоцким уездом? Да и собственное название у нее уже есть – Калининская АЭС. Вы скажите, что все это мелочь, на которую не стоит обращать внимания? Увы, легкомысленное отношение к таким вопросам приводит к тому, что время от времени появляются «глубокомысленные» краеведческие исследования на тему, например, «Калининская область во времена Ивана Грозного». Или представим на минуту, что центром Тверской области сделают Спирово. Энергичные краеведы тут же кинутся расхваливать свое болото, и я не удивлюсь, что Михаил Тверской их стараниями превратится в Михаила Спировского.

В 1984 году я случайно попал на открытие памятника космонавту О. Г. Макарову. (Он родился в Удомле Московской области, памятник открывали в Удомле Калининской области, теперь это Тверская область). Уже поднималась атомная станция, было много наворота, в том числе, и охраны. К своему

удивлению я увидел кардинальные изменения: в Удомле – вырос большой микрорайон из современных домов, появились новые люди – высококлассные специалисты из разных «закрытых» городов страны – «Челябинск-40», «Красноярск-26» и других мест, связанных с моим институтом МИФИ. Конечно, для этих приезжих людей Вышневолоцкий уезд был чем-то далеким, потусторонним. Для них важна была Удомля и ее район, а все остальное воспринималось, как бесплатное приложение. С этой точки зрения можно понять и Л. Подушкова, который одну из своих книг называет «Знаменитые россияне в истории Удомельского края», хотя сами «знаменитости», вопреки логике автора, проживали почему-то в Вышневолоцком уезде, понятия не имея, что существует такое административное понятие, как удомельский край. Не удивлюсь, если в ближайшее время появятся книги «Венецианов Максатихинском крае», «Венецианов в Спировском крае». Весьма запутанная история получается! С этой же проблемой столкнулся и краевед Денис Ивлев, занимаясь историей церкви Вышневолоцкого уезда. Новомученика В. Новоселова можно назвать и вышневолоцким, и удомельским, и спировским священником, что многие и делают, внося ненужные разночтения.

Борис КУЗНЕЦОВ
(Продолжение следует)

«Прекрасный, редких способностей человек...» (К 140-летию писателя В. Я. Шишкова)

(Окончание. Нач. на 3-й стр.)

Много гостей побывало в этом доме в 1973 году, когда отмечали 100-летие со дня рождения писателя В. Я. Шишкова. С трепетом заходили гости в этот дом, где многое напоминало об авторе «Угрюм реки» и «Емельяна Пугачева». Старинная мебель, подробный рассказ Алексея Яковлевича, которому исполнилось к тому времени 92 года. Тогда на юбилей приезжали вдова писателя Клавдия Михайловна Шишкова и его внучатый племянник из Ленинграда, названный в честь деда Вячеславом. Алек-

сей Яковлевич Шишков показывал гостям личные вещи писателя: инкрустированный шкафчик, который подарил ему брат, книги в темных переплетах.

100-летие со дня рождения В. Я. Шишкова широко отмечалось в Вышнем Волочке. 4 октября 1973 года состоялся митинг, посвященный открытию мемориальной доски на здании бывшего кондукторского училища (сегодня – средняя школа № 6), в котором учился выдающийся русский писатель. На открытии мемориальной доски приехали: секретарь Союза писателей СССР О. Н. Шестинский, автор книги о В. Я. Шишкове Н. Х. Еселев, представители многих областных писательских организаций. Вечером торжества продолжились в городском театре, где была показана кинолента «На родине В. Я. Шишкова», затем она демонстрировалась в кинотеатре «Родина». Механический завод изготовил барельеф писателя, который был установлен на улице В. Я. Шишкова.

Путь В. Я. Шишкова к писательству был долог и труден. В ранней юности сочинил он свою первую повесть, но лишь четверть века спустя вышла в свет его небольшая сказка «Кедр», ставшая литературным дебютом инженера-землепроходца. Между этими датами десятки событий, тысячи километров дорог, опасные экспедиции по сибирским рекам, встречи с охотниками, золотоискателями, ссыльными. Никогда потом Шишков не жалел о двадцати годах, прожитых по ту сторону Уральских гор. Эти годы стали для него школой жизни, обогатили материалом, из которого выросли многие его произведения, в том числе, и главная его книга «Угрюм-река». В 1934 году он начал работать над «Емельяном Пугачевым». Вышли две книги, над третьей он работал до конца жизни, но она так и осталась незаконченной. В ночь с 5 на 6 марта 1945 года писателя не стало.

26 января 1946 года вышло постановление правительства о присуждении писателю В. Я. Шишкову Государственной премии за книгу «Емельян Пугачев».

Галина МОНАХОВА,
заведующая Вышневолоцким
филиалом ТГОМ

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА А. А. НЕФЕДОВА ЗА 1902 ГОД

Окончание. Нач. на 5-й стр.

Первая жена отца Лидия Поликарповна после замужества пожила только полтора года и умерла от скоротечной чахотки. Через год умер отец тятки, наш дедушка Алексей Николаевич... Моему отцу пришлось пережить два тяжких горя. Жена Лидия и отец Алексей Николаевич похоронены в селе Жабны как почетные люди около церкви. Могилы их рядом с чугунными литыми крестами. Теперь, конечно, там никаких примет крестов и могил нет.

После этого отец еще долго не женился. Но в 1907 году обручился с нашей мамой Пелагеей Ивановной Мальгиной из дер. Горшково. Маме было 19 лет, отцу – 37. Была она очень красивой девушкой, единственной у родителей. Отец ее – крестьянин-трудяга не из бедных – Иван

Ильич Мальгин, мать, Татьяна Парфеновна, из дер. Городок. В 1908 году родился я, в 1909 – брат Георгий (Геня), в 1913 – сестра Александр (Шура).

До революции мы имели свою землю, после – удельную, данную по количеству едоков. Землю обрабатывали по-старинке – трехполье.

Первым в наших местах отец сделал плуг, потом железные бороны, потом стали покупать и делать другие сельскохозяйственные машины. Отец ввел сеяные травы, нарушив трехполье.

Тятка наш заболел туберкулезом после того, как добывал в колодце около дома священника Фировской церкви воду. Болел отец около десяти лет. 10 января 1930 года умер наш тятенька. Мне было уже около 22 лет, очень тяжело переживал эту утрату.

За полчаса до смерти он попросил бумагу и карандаш и, не глядя, лежа, что-то написал. Когда мы спросили, что он написал, он еле слышным голосом ответил: «Я написал: прощайте, мои дорогие, ухожу от вас. Ваш отец Александр, 10 янв. 1930 г.». И когда почувствовал, что мы все: мама, я, Геня, Шура плачем около него, сказал:

«Ну что ж, сначала поплачете, пожалеете, потом постепенно будете забывать... Так всегда...»

Помню еще осенью, за несколько месяцев до смерти, вышел посмотреть, как мы с Геней дообделываем новый дом, построенный по его плану и сказал: «Да, хорошо обделали домик, только жить мне в нем не придется».

Но и мы в этом доме пожили только года полтора...

Издатель и главный редактор Б. Н. Кузнецов	Редколлегия: Б. С. Соколов, Г. Г. Монахова, Н. С. Соболевская, Е. В. Новожилова, Т. А. Водичева, В. В. Соловьев, А. Б. Кузнецов, А. П. Черников	Отпечатано в филиале ОАО «ТОТ «Вышневолоцкая типография», Тверская обл., г. Вышний Волочек, ул. Екатерининская, 51	Адрес редакции: 171110, Тверская обл., г. В. Волочёк, Казанский пр-т, 63 Краеведческий музей	
			Подписано в печать по графику и фактически 27.09.2013 г. в 10.00	Зак. № Тир. 999.